

УДК 165

DOI: 10.34670/AR.2022.92.82.001

Эпистемологический анализ модусов достоверности в условиях привилегированного доступа

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, пер. Стремянный, 36;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Аннотация

Для целого ряда программ классической и аналитической эпистемологии, развивавшихся в парадигме интернализма, основополагающим стало представление о непосредственной доступности факторов верификации определенного класса убеждений, выступающих базисными элементами доксистического фундамента знания. В нормативном плане такие эпистемологические программы, как правило, были ориентированы на утверждение значимости стандартов достоверности, которым должно соответствовать содержание пропозициональных установок, чтобы притязания на знание были основательными. Развитие представления о высокой эпистемической гарантированности убеждений в условиях привилегированного доступа позволяло придать стандартам достоверности вполне определенный когнитивно-операциональный смысл. В статье представлен анализ концептуальных оснований развития эпистемологических теорий, которые трактуют достоверность как превосходное эпистемическое состояние, выделяя в качестве градаций этого состояния иммунизированность от ошибки, сомнения, исправления или опровержения. На основе анализа позиций Рассела, Айера, Льюиса, Малкольма по проблеме достоверности, а также с учетом результатов исследования вариаций привилегированного доступа, полученных У. Алстоном, рассматриваются основные подходы к экспликации базовых понятий, посредством которых эпистемологи определяют различные модусы достоверности; демонстрируется связь этих понятий с истинностно-оценочной и обосновательно-оценочной трактовками принципа достоверности; критически оцениваются основания атрибутирования этих эпистемических достоинств убеждениям, принимаемым в качестве базисных в рамках фундаментализма. Раскрываются некоторые проблемные аспекты общего представления о роли привилегированного доступа в достижении субъектом прямого знания о собственных ментальных состояниях и в обеспечении истинностной проводимости обоснования убеждений, предметность которых выходит за границы актуального квалиативного и феноменального содержания опыта, что в целом свидетельствует об ограниченности позиций интернализма.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Эпистемологический анализ модусов достоверности в условиях привилегированного доступа // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 1А. С. 5-23. DOI: 10.34670/AR.2022.92.82.001

Ключевые слова

Эпистемология, знание, эпистемическое обоснование, интернализм, привилегированный доступ, знание по знакомству, достоверность, базисные убеждения, фундаментализм.

Введение

Концептуальной универсалией фундаменталистской эпистемологии стало понятие знакомства, выражающее «прямое познавательное отношение к объекту» (в оригинальной терминологии Б. Рассела), которое заключается в первичной и прямой осведомленности, будь то осведомленность о содержании опыта (о «чувственно-данном»), о ментальных состояниях или о других объектах («партикулярностях», «универсалиях», логических фактах). В этой когнитивной перспективе выделяется класс объектов, которые удовлетворяют условиям непосредственной сознаваемости – «представленности» сознанию субъекта. Б. Рассел осуществил первичную экспликацию *понятия знакомства*, выражающего особый тип когнитивного отношения, и заложил основы понимания *знания по знакомству* как более фундаментального – обладающего логическим и эпистемическим приоритетом по отношению к *знанию по описанию*. Знание вещей, как и знание истин, имеет знакомство как свое основание. Для знания по знакомству конститутивным является именно *отношение знакомства*, которое в эпистемологии Рассела получило лишь начальное определение: «Я говорю, что я знаком с объектом, когда я имею прямое познавательное отношение к этому объекту, т. е. когда я *непосредственно осведомлен* в объекте самом по себе» [Рассел, 2000, 445]. Рассел полагал, что человек может находиться в отношении непосредственного знакомства к своим чувственным данным, ментальным состояниям, универсалиям, партикулярностям, логическим формам и, возможно, к себе самому (в комплексе мыслей и переживаний), но никак не к физическим объектам, будущим событиям и сознаниям других людей: «Физические объекты и другие сознания известны нам только по описанию...» [Там же, 458]. В случае знания по описанию имеется *пропозициональное знание*, которое является *концептуально опосредствованным* (т. е. непрямым в плане когнитивного отношения к объекту, поскольку для репрезентации объекта используются понятия), *инференциально* или *композиционально* зависимым (получаемым на основе вывода из того, что уже известно, или состоящим из правильной комбинации компонентов, которые известны по знакомству) и выражаемым посредством предложений, содержащих *определенные и неопределенные дескрипции*, «причем употребляемые нами дескрипции включают чувственно-данные» [Там же], а также партикулярности и универсалии, входящие в класс того, что знакомо. Знание по знакомству в этом эпистемологическом проекте является *эпистемически базовым* и обеспечивает *надежное основание* для знания о вещах.

Интеграция идеи знакомства в основание фундаменталистской эпистемологии выразилась в развитии интерналистского тезиса, согласно которому когнитивно первичное отношение (объектами которого могут быть чувственные данные, ментальные состояния, конституенты феноменального содержания опыта и собственные пропозициональные установки) является основной формой реализации *привилегированного доступа* субъекта к состояниям, объектам и событиям, которые непосредственно выступают *верификаторами* или играют роль *безупречных факторов обоснования* определенного типа убеждений, формирующих доксистический фундамент знания. Парадигматически основоположным для ряда теорий классической

эпистемологии стало представление о том, что именно в условиях *привилегированного доступа*, когда достигается непосредственная осведомленность субъекта о ментальных состояниях и содержании собственного опыта, убеждения определенного класса, формирующиеся на основе реализации этой когнитивной перспективы, обретают *достоверность*, модусы которой представлены в эпистемически положительных качествах, таких как несомненность, транспарентность, сущностная правдоподобность, неопровергаемость, и именно наличие этих иммунизаторов, указывающих на высокую эпистемическую гарантированность, достигаемую, как предполагается, исключительно в условиях привилегированного доступа, дает основание для квалификации этих убеждений в качестве неинференциально обоснованных и, следовательно, способных выполнять функцию базисных в системе обоснования. Дело в том, что знакомство или непосредственная осведомленность выступает как *реальная связь с объектом*, т. е. как подлинное отношение субъекта к объекту, которое не может реализоваться, если *нет* реального объекта [Russell, 1992, 48]. Эпистемологи-фундаменталисты культивируют именно эту сущностную черту – реальную связь с объектом, когда утверждают, что знакомство – это вид *непогрешимой* осведомленности, к которой можно апеллировать при объяснении превосходного эпистемического статуса некоторых убеждений, рассматриваемых в качестве претендентов на роль базисных.

Однако в оригинальной концепции Рассела предполагалось, что отношение знакомства само по себе не имеет характера пропозициональной установки, содержание которой можно выразить истинностно значимым суждением. Знакомство представляется семантически первичным отношением, закладывающим референцию базисных терминов языка, на котором выражаются суждения (высказывания о вещах, включающие определенные и неопределенные дескрипции). Без знания исходных значений терминов объектного языка невозможно было бы понять или построить осмысленное высказывание. Б. Рассел формулирует «фундаментальный эпистемологический принцип в анализе предложений»: *«каждое предложение, доступное нашему пониманию, должно состоять целиком из конституэнтов, с которыми мы знакомы»* [Рассел, 2000, 450]. Непосредственная осведомленность доставляет *первичные атомы содержания дескрипций*, применяемых в рамках языка, передающего *знание о фактах* (*знание по описанию*). Но чтобы удовлетворять условиям *знания по знакомству*, субъект должен относительно объекта непосредственной осведомленности иметь *убеждение* с определенным пропозициональным содержанием – убеждение, которое должным образом *базируется* на непосредственном знакомстве. Последнее обстоятельство можно понимать в двух смыслах: 1) убеждение *формируется* на основе знакомства, что предполагает концептуальное схватывание объекта непосредственной осведомленности; 2) убеждение *получает непосредственное обоснование*, т. е. удостоверяется через отношение знакомства, которое является формой реализации доступа к объекту, составляющего условие неинференциальной верификации убеждений определенного класса.

В данной работе рассматриваются концептуальные основания развития теории непосредственной верифицируемости убеждений в условиях привилегированного когнитивного доступа, сформировавшиеся в классической и аналитической эпистемологии. На основе обобщения результатов, представленных в работах Алстона, а также более ранних представителей аналитической эпистемологии (Рассела, Айера, Льюиса, Малкольма), прослеживаются ключевые линии анализа основных понятий, посредством которых определяются модусы достоверности, такие как несомненность, безошибочность,

неоспоримость, представляющие эпистемические достоинства, атрибутируемые убеждениям определенного класса, исходя из ряда теоретических допущений, принятых в рамках проекта фундаменталистской эпистемологии. Раскрываются основания для критической оценки теории, связывающей высокую эпистемическую гарантированность убеждений с реализацией особой когнитивной перспективы, обеспечивающей привилегированную доступность верификаторов и факторов обоснования.

Феноменология эпистемических достоинств убеждений в условиях привилегированного доступа

Исследование различных форм и модусов реализации когнитивного доступа субъекта к собственным ментальным состояниям стало тематически релевантным в рамках классических и современных эпистемологических программ, которые подходили к разработке проблем теории обоснования с позиций *интернализма* и интегрировали *нормативный* фундамент познания, исходя из условий достижения достоверности (хотя сам принцип достоверности получал различные интерпретации). Примером аналитического исследования по проблеме привилегированного доступа могут служить работы Рассела, Айера, Льюиса и других эпистемологов, так или иначе связанных с традицией неопозитивизма и аналитической философии; особенно показательны в этом плане ранние работы У. Алстона, который посвятил проблеме привилегированного доступа специальное исследование. Представим наиболее характерные подходы представителей аналитической эпистемологии к экспликации концептуальных оснований эпистемологической программы, ориентированной на теоретическое осмысление феноменологии эпистемических достоинств, приписываемых определенным типам убеждений, исходя из условий привилегированной доступности сознанию субъекта условий и факторов, в той или иной степени определяющих или указывающих на истинность этих убеждений.

Иммунизированность от сомнения

Несомненность – одно из эпистемических достоинств, которое приписывается определенному классу убеждений, удостоверение истинности которых определяется когнитивными условиями, исключающими рациональные основания для сомнений. Несомненность является показателем определенной степени достоверности, которая достигается при определенных условиях, таких, например, как «ясное и отчетливое восприятие» определенных «идей» или связей между ними, транспарентная данность собственных состояний или даже очевидное отсутствие факторов, подрывающих убеждение, что также (применительно к данному моменту) исключает возможность какого-либо сомнения. Совершенная же степень достоверности достигается благодаря тому, что для удостоверения истинности определенных убеждений достаточно ясного и отчетливого понимания их предмета (например, априорных синтетических истин и истин логики и математики) или непосредственного схватывания тех фактических состояний, которые определяются в фокусе предметной интенции сознания (когда реализуется прямая направленность на собственные ментальные состояния) и служат прямыми верификаторами этих убеждений. Так, для Декарта несомненность является выражением той достоверности, которая достигается в актах рациональной интуиции, представляющих «понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума и

является более простым, а значит, и более достоверным, чем сама дедукция»; это понимание «настолько легкое и отчетливое, что не остается совершенно никакого сомнения относительно того, что мы разумеем» [Декарт, 1989, т. 1, 85]. Между тем было бы неправильно отождествлять понятие интуиции, в котором выражается один из «методов» раскрытия истинности, т. е. путь к знанию, с абстрактным понятием привилегированного доступа, которое выражает прямое когнитивное отношение к верификаторам (например, к неким исходным данным, событиям, условиям, квалиативным содержаниям и состояниям сознания) и факторам, значимым для обоснования рефлексивно и интроспективно распознаваемых убеждений. Расселовское понятие «знакомство» имплицитно подразумевает привилегированный доступ постольку, поскольку выражает непосредственную презентованность сознанию субъекта определенных категорий данных (чувственных данных, воспоминаний, ментальных состояний, универсалий и партикулярий и т. д.). В случае «знакомства» имеет место прямое когнитивно-непосредственное отношение, которое реализуется также и в случае рациональной интуиции, хотя для интуиции в первичном смысле существенно то, что «она направлена на истины или факты», а не на некие исходные данные сознания, которые могут служить «кирпичиками» пропозиционального знания («знания по описанию» в терминологии Б. Рассела). Так или иначе, «как сторонники интуиции, так и сторонники знакомства понимают знание как некий мгновенный акт, как прямую встречу с фактом, истиной или вещью либо их непосредственное обнаружение» [Evans, 1979, 36]. Для представителей эмпиризма несомненность означает невозможность для субъекта индуцировать сомнение относительно истинности пропозиции, выражающей приписывание субъектом себе актуального ментального состояния, которое непосредственно презентовано сознанию субъекта (как, впрочем, и для рационалистов нет оснований сомневаться в реальности сознания, поскольку это положение удостоверяется самим актом сомнения, представляющим акт сознания, т. е. является как бы перформативно-самообоснованным, хотя более сложной является проблема атрибуции акта сознания субъекту, требующая уже определенного вывода).

Невозможность сомнения может трактоваться различным образом: 1) как логическая невозможность сомневаться (например, исходя из условий употребления выражения «испытывать боль», было бы неправильно утверждать, что человек, испытывающий боль, сомневается в собственном состоянии); 2) как номологическая (обусловленная психологическими законами) невозможность реализовать диспозицию к сомнению; 3) как рационально-нормативная невозможность реализовать установку сомнения при определенных условиях (сомнение было бы неоправданным, если для сомнения отсутствуют разумные основания). Именно последний смысл Алстон выделяет как релевантный эпистемологическому дискурсу: «Если отношение мое к определенной группе пропозиций таково, что всякий раз, когда я считаю одну из этих пропозиций истинной, не может быть никаких оснований для сомнения в ее истинности, то я нахожусь в положении, очень благоприятном для получения знаний в этой области» [Alston, 1971, 226]. Некоторые эпистемологи (например, Э. Ивинг), рассматривают *несомненность* как эквивалент непосредственной *достоверности*, другие (например, Л. Бонжур) – как эквивалент *безошибочности*, трактуя это качество в смысле альтернативного обозначения превосходного эпистемического статуса, третьи (например, У. Алстон) – как «слабую версию безошибочности»: если определенная позиция субъекта по отношению к собственным состояниям характеризуется отсутствием оснований для сомнений, то это еще не означает, что реализуется такая когнитивная перспектива, благодаря которой субъект гарантирован от ошибок.

Иммунизированность от ошибок

Безошибочность («непогрешимость» убеждения) – более высокая эпистемическая модальность отношения к тому, что составляет предмет убеждения. Значение этой модальности в полной мере раскрывается в контексте определения условий, при которых оправданными являются притязания на знание. По определению Бонжура, «утверждать, что определенное базовое убеждение непогрешимо, – значит утверждать, что человек не может придерживаться такого убеждения и тем не менее ошибаться, причем невозможность может быть либо логической, либо номологической» [BonJour, 1985, 26]. Соответственно, если убеждение является «логически непогрешимым, то, конечно, необходимо, что оно истинно», и это определение подходит к пропозициям, составляющим предмет априорных знаний [Ibidem]. В другом случае, который вписывается в контуры номологического определения, Бонжур акцентирует значение условий формирования убеждений, обеспечивающих такую привилегированную позицию, которая иммунизирует от ошибок: «убеждение является непогрешимым, если оно получено таким способом, в силу которого оказывается невозможным, чтобы этого убеждение было ошибочным (считается, как правило, что убеждения о непосредственном опыте и о простых априорных истинах имеют этот статус)» [BonJour, 2010, 313]. Если Бонжур в последнем определении указывает на роль когнитивной перспективы, заключающей в себе условия формирования убеждений, реализация которых гарантирует субъекта от ошибок, то Алстон, предвосхищая логический смысл, артикулированный в первом определении Бонжура, указывает на структуру логико-эпистемических отношений, исходя из которых убеждение, обладающее таким иммунитетом, квалифицируется как непосредственно обоснованное. Безошибочность можно интерпретировать в том смысле, что, например, по отношению к собственным ментальным состояниям субъект находится в такой привилегированной позиции, которая гарантирует его от ошибки в приписывании себе этих состояний: *субъект достигает безошибочности в отношении определенного факта или положения дел, если логически невозможно, чтобы убеждения относительно наличия данного факта или положения дел были ошибочными*. На основе этого принципа задается довольно сильный стандарт, определяющий предельную степень эпистемической обоснованности: «трудно представить, чтобы у субъекта было более сильное (эпистемическое) основание для того, чтобы придерживаться определенного убеждения, чем логическая невозможность для этого убеждения быть ошибочным» [Alston, 1971, 227]. Но одно дело – объяснять логическую невозможность ошибки аналитическим методом, рассматривая это положение как необходимо вытекающее из самого понятия знания (ибо неправильно было бы приписывать субъекту S знание, что P , не подразумевая при этом, что полагание, что P не является ошибочным), а другое – объяснять непогрешимость убеждений как выражение их обоснованности, служащей одним из условий трансформации убеждений в знание. Если необходимыми условиями знания являются истинность и обоснованность, то в свете данного Алстоном определения безошибочности выполнение этих условий гарантировано в той мере, в какой достигается та привилегированная позиция, благодаря которой само обладание убеждением логически гарантирует, что это убеждение является истинным, что в равной степени гарантирует также, что убеждение является обоснованным: *познавательное отношение субъекта S к пропозиции типа R , является безошибочным, если и только если для всякой пропозиции P типа R логически невозможно, чтобы S полагал, что P , не обладая знанием, что P* [Ibidem, 229].

В ориентации на установление таких оснований знания, которые исключали бы

теоретическую возможность ошибки, обозначились фундаменталистские тенденции, которые характерны для рационалистической теории познания платоновского типа: если основу знания составляют только такие полагания, которые в принципе не могут быть ошибочными, то предметная область знания замыкается на область необходимых истин, т. е. знание возможно только тогда, когда предмет его составляют положения, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть ошибочными (ошибка может быть лишь следствием недостаточно ясного и отчетливого их восприятия). По замечанию Эванса, «это ограничение иногда усиливалось, сочетаясь с почерпнутым у Платона различием между “ощущениями” и “разумом” как возможными источниками знания» [Evans, 1979, 20]. Своеобразный нозматический редукционизм развивается из неоправданной идеализации безошибочности. Перефразируя Эванса, можно сказать: «недостаточно, чтобы то, что известно, по факту было истинным; для всех пропозиций, которые могут составлять предмет знания, в принципе должна быть исключена возможность ложности» [Ibidem]. Такая парадигма эпистемологического анализа индуцирует неоправданную универсализацию высоких стандартов обоснования, инкорпорирующих требование совершенных гарантий истинности, и оказывается irrelevantной для проекта осмысления условий возможности эмпирического знания, содержание которого распространяется на область контингентных пропозиций («истин факта»).

Иммунитет от ошибок при формировании содержательно определенного типа эмпирически основательных убеждений приобретает в условиях реализации когнитивно-первичного отношения, в просвете которого достигается «прямое схватывание», «непосредственная осведомленность», «прямое восприятие» предмета (таковы вариативные выражения привилегированного доступа к эмпирическим данностям); убеждение иммунизировано от ошибок в той мере, в какой основу его составляет правдивый отчет о схватывании или восприятии «непосредственно данного» (например, некоторого квалиа или их комплекса), при условии, что корректно используются термины «экспрессивного языка», посредством которых «описывается содержание презентаций» [Lewis, 1946, 179]. Малькольм, например, представляет невозможность ошибки как принцип, который имплицирован концепцией «прямого восприятия»: «А непосредственно воспринимает x тогда и только тогда, когда утверждение A о том, что он воспринимает x , не может быть ошибочным; и A непосредственно воспринимает, что x обладает свойством F , тогда и только тогда, когда утверждение A о том, что он воспринимает, что x есть F , не может быть ошибочным» [Malcolm, 1953, 312]. По Малькольму, именно «прямое восприятие» составляет базовое когнитивное условие, которое иммунизирует от ошибок на уровне распознавания того, что дано сознанию непосредственно, а именно чувственные данные типа квалиа и «послеобразы», создаваемые до и независимо от концептуализации, входящей в условия феноменально-объектного представления. Айер же отмечает, что среди философов, использующих термин «чувственное данное» или какой-либо эквивалентный термин, существует общее согласие в том, что то, что мы непосредственно переживаем, всегда является чувственным данным и никогда не является материальной вещью [Ayer, 1940, 5]. Различие этих когнитивных перспектив позволяет придать эпистемологический смысл позиции «непрямого реализма» восприятия: поскольку «физические реальности» не могут восприниматься непосредственно, то обоснование перцептуальных убеждений зависит от корректности «вывода», посылаками которого служат отчеты о данных опыта, подлежащих категоризации и объектной интерпретации, т. е. перевода с феноменалистического языка чувственных данных на язык объектов, их свойств и отношений. Но, как заметил Айер, «отношение суждений, описывающих содержание наших чувственных переживаний, к

суждениям, подразумевающим существование материальных вещей, не является отношением предпосылок к заключению в дедуктивном аргументе. Наша процедура в таких случаях всегда индуктивная, и она остается индуктивной, сколько бы разумных свидетельств мы ни накопили» [Ibidem, 45]. Следует заметить, что уже для К.И. Люиса было очевидно, что концептуализация и интерпретация лишь в абстрактном представлении могут быть отмыслимы от непосредственно данного (будь то квалиа или их комплексы): «Исключите из того, что мы говорим, что мы видим, или слышим, или иным образом узнаем из непосредственного опыта, все, что в принципе может быть ошибочным; все, что останется, – это непосредственно данное содержание опыта, вызывающего это убеждение» [Lewis, 1946, 182-183]. Критики фундаментализма усиливают этот тезис, представляя концепт «непосредственно данного содержания опыта» как абстрактный эпистемологический конструкт, который не имеет ни функционального значения, ни операционального определения. Наиболее радикальный тезис состоит в том, что в условия распознавания того, что дано в опыте, необходимо входит применение понятий, на основе которых осуществляется идентификация тех или иных квалиативных содержаний и состояний; следовательно, корректность отчетов о том содержании, которое находится в поле привилегированного доступа, не определяется исключительно прямым схватыванием; т. е. само это условие, выражаемое терминами «прямая сознаваемость», «знакомство», «презентованность», не гарантирует, что отчеты, а также формируемые на их основе убеждения во всех случаях будут безошибочными. Поэтому вполне оправданным представляется положение, высказанное Хейлом (и убедительно продемонстрированное К. Лерером [Lehrer, 1974, 87-97]): «Наши убеждения о ментальных состояниях и процессах не являются ни безошибочными, ни неоспоримыми. Я могу не знать ни прямо, ни косвенно, какие у меня мысли. И я могу различным образом ошибаться в оценке их характера. Правдоподобная концепция прямой познаваемости требует только того, чтобы мои ментальные состояния и процессы были по существу такими, чтобы они были непосредственно познаваемы мной, а не чтобы они в каждом случае были непосредственно познаны» [Neil, 1988, 242].

Иммунизированность от исправления и неоспоримость

Если *несомненность* (как отсутствие разумных основания для сомнения в истинности пропозиции) можно представить как определенную степень деградации эпистемически превосходного состояния, которое характеризуется *иммунитетом от ошибок*, то *положительную неисправимость (или неоспоримость)* можно определить как еще более слабый дериватив безошибочности. Как заметил Алстон, именно эту особенность определенных убеждений, формируемых в условиях привилегированного доступа, имел в виду Айер, когда раскрывал логику высказываний, посредством которых человек отчитывается и сообщает о своих собственных мыслях и чувствах: «Он может и не быть свободным от ошибок, но его слово суверенно» [Ayer, 1963, 73]. Когнитивно-ситуативная логика высказываний о собственных состояниях, мыслях и чувствах такова, что верификация их персонально авторизована: если бы другие люди оспаривали то, что данный субъект высказывает, выражая таким образом сознание собственных состояний, то «у нас не было бы права утверждать, что они правы, пока он противопоставляет им свою правдиво заявленную позицию» [Ibidem]. *Неоспоримость* в этом смысле представляет довольно специфическое и более слабое состояние, чем *несомненность*: если *несомненность* является эффектом достижения позиции, которая исключает какие-либо

основания для сомнения, то неоспоримость в указанном Айером смысле относится к состоянию, в котором приоритетная значимость авторизованных верификаторов нейтрализует возможность того, чтобы у кого-то иного, помимо субъекта, имеющего привилегированный доступ, имелись веские основания оспаривать суждения самого субъекта, достаточные для того, чтобы показать, что он ошибается. Алстон определяет принцип неоспоримости следующим образом: *позиция S по отношению к пропозиции типа R является неоспоримой=Df; для любой пропозиции P, относящейся к типу R, логически невозможно, чтобы S полагал, что P, и чтобы кто-либо еще, помимо S, мог продемонстрировать, что убеждение S ошибочно* [Alston, 1971, 230].

Заметим, однако, что в работах Айера идея *неоспоримости* получила основательное развитие в контексте разработки основополагающих принципов фундаменталистской эпистемологии; Айер усиливает идею неоспоримости до уровня эпистемического стандарта, в основе которого – принцип положительной неисправимости, исключаящий для высказываний, регистрирующих содержание *текущего опыта*, необходимость дальнейших проверок. В том, как Айер подходит к определению принципа положительной неисправимости, имплицитно содержится ссылка на аргумент от *эпистемического регресса*, демонстрирующий необходимость базисных высказываний, которые в основе своей настолько гарантированы, что не нуждаются в каких-либо проверках, но сами могут служить надежной основой верификации других – эмпирических – высказываний: фундаменталистские теории обоснования развиваются из предположения, «что должны быть некоторые утверждения, признание истинности или ложности которых обеспечивает естественное завершение любого процесса эмпирической проверки; и высказывания, которые описывают текущее содержание опыта, выбраны в качестве наиболее достойных кандидатов. Причина, по которой они так выделяются, заключается в том, что они считаются единственными высказываниями, которые являются прямым образом и окончательно проверяемыми; из всех высказываний, которые имеют дескриптивное содержание, они единственные не подлежат дальнейшим проверкам...» [Ayer, 1956, 54]. Но было бы неправильно утверждать, что такие высказывания, которые фиксируют квалиативные содержания, описывают чувственные и интенциональные состояния и квалифицируются при этом как положительно неисправимые, являются инвариантно значимыми в том смысле, что, как только установлена их истинность, они не могут впоследствии быть подвергнуты критическому пересмотру или даже быть отвергнуты: неисправимость не имплицитно подразумевает безошибочность. Такие положительные эпистемические квалификации, как «неопрровержимость», «положительная неисправимость» или «несомненность», в строгом смысле не относятся к высказываниям или убеждениям самим по себе, но указывают главным образом на определенные преимущества *актуальной когнитивно-ситуативной* перспективы, в которой проявляется совершенство оснований для принятия положений, выражаемых этими высказываниями. Таким образом, в собственном эпистемологическом смысле понятия непогрешимости, неопрровержимости, положительной неисправимости применяются для представления достоинства того когнитивно-первичного базиса, на котором основываются утверждения, описывающие актуально данное содержание опыта [Neil, 1988, 241-242]. Состояние непогрешимости, или положительной неисправимости, является эффектом схватывания квалиативно-феноменального содержания опыта («я утверждаю всего лишь, что я вижу то, что кажется мне сейчас виноградной ветвью»); такие состояния рассматриваются как индикаторы достижения относительно высокой степени достоверности: «пока имеется некое переживание, субъект может с абсолютной уверенностью знать истинность того утверждения, которое не более чем описывает характер этого переживания» [Ayer, 1956, 56].

Но даже познавательное отношение к собственному опыту не гарантирует субъекта от ошибок, которые могут возникать вследствие неправильного распознавания того, что испытывается [Lehrer, 1974, 95-96]. Допуская возможность ошибки на уровне идентификации знакомых конститuentов содержания опыта, Айер признает и показывает, что ошибки могут быть не только вербальными, но и когнитивно-фактическими. Из этого положения можно вывести как минимум два проблемно значимых для фундаменталистской программы следствия: 1) каким бы ни был сильным базис для высказываний, описывающих непосредственно-доступное содержание опыта, он не обеспечивает никаких логических гарантий безошибочности принятия за истину того, что выражают эти высказывания; 2) как уже было сказано выше, если в условия распознавания содержания опыта входит применение понятий, служащих в отношении конститuentов опыта своеобразными идентификаторами и классификаторами, то значение непосредственной осведомленности о содержании опыта основательно релятивизируется как фактор иммунизации базисных высказываний. Очевидно, что высказывания, выражающие предметные эмпирические убеждения относительно объектов и событий объективного мира, выражают нечто большее, чем содержится в опыте, на котором основываются и который описывают высказывания, принимаемые как базисные.

Достоверность

Некоторые характерные тенденции развития эпистемологических подходов к осмыслению принципа достоверности уже были рассмотрены в одной из наших работ (см.: [Галухин, 2021]). Для целей данной работы достаточно будет краткой экспозиции именно тех способов определения и использования понятия достоверности, которые реализовались в программах исследований, выявляющих зависимости эпистемических качеств убеждений от реализации особой когнитивной перспективы, описываемой в терминах привилегированного доступа.

Следуя модели анализа понятия достоверности, предложенной Фертом [Firth, 1967], будем различать три аспекта содержания этого понятия, отражающих основные специфические для эпистемологии способы его применения:

- 1) достоверность как *истинностно-оценочная* категория, применяемая при установлении подлинности притязаний на знание;
- 2) достоверность как *обосновательно-оценочная* категория, т. е. категория, применяемая в контексте оценки степени обоснованности пропозиции, высказывания или убеждения (иначе говоря, измерения силы гарантий истинности, обеспечиваемых обоснованием);
- 3) достоверность как *операциональная* категория, применяемая для оценки степени *проверяемости*, т. е. установления того, в какой степени при определенных условиях пропозиции, убеждения или высказывания могут быть удостоверены с помощью тех или иных проверочных процедур [Ibidem, 7].

Данные способы правильного использования понятия достоверности не являются взаимоисключающими, т. е. при определенных условиях (например, при использовании термина «знания» в строгом смысле, а также при условии принятии исключительно высоких стандартов, согласно которым обоснованность должна имплицировать истинность) возможна конвергенция смысла суждений, в которых используется это понятие.

Достоверность как истинностно-оценочная категория. В теории познания понятие достоверности, по замечанию Клейна, часто используется в том смысле, что «пропозиции, которые являются достоверными (Рассел называет их “базисными пропозициями”) *ipso facto*

составляют предмет знания» [Klein, 1981, 121]. Если утверждается, что пропозиции составляют предмет знания в силу того, что они являются достоверными, то утверждение это нельзя понимать в том смысле, что пропозиции, как и соответствующие убеждения, являются хорошо обоснованными, поскольку не всякое обоснование дает совершенные гарантии истинности. Перефразируя Д. Юма, можно сказать, что только такие положения, отрицание которых приводит к противоречию или является «абсолютно» невозможным, могут быть известны с демонстративной или интуитивной достоверностью, но не всякое положение обосновывается посредством «сравнения идей», выявляющего их необходимую связь, и, следовательно, является интуитивно или демонстративно достоверным. Поэтому замечание Клейна относится к использованию понятия достоверности именно в *истинностно-оценочном смысле*. Но дальнейшая интерпретация понятия достоверности в этом специфическом смысле должна опираться на эпистемологический анализ, раскрывающий архитектуру ситуаций, в каких это понятие является релевантно применимым. Один из подходов к объяснению того, как возможна такая достоверность, которая *ipso facto* означает достижение знания, состоит в демонстрации того значения, какое для формирования фундамента знания имеет реализация особой когнитивной перспективы, в которой всякое усмотрение является истинным (перспективы, *ipso facto* исключающей возможность ошибки). Применительно к условиям эмпирического знания такая перспектива реализуется за счет того, что субъект познания имеет или получает прямой – привилегированный – доступ к объектам, состояниям и событиям, из которых слагаются факты, служащие верификаторами его убеждений. В качестве примера решения, типичного для фундаменталистской эпистемологии, Ферт указывает позицию Льюиса, которая, несмотря на некоторую неоднозначность, отражает общее направление в эпистемологии, в русле которого достоверность связывается с условиями привилегированного доступа: в работах Льюиса встречаются утверждения, что суждения, которые мы выносим о собственном чувственном опыте, т. е. экспрессивные суждения, не могут быть ошибочными, ибо, как он полагает, нельзя ошибаться относительно содержания, выступающего предметом непосредственного осознания [Lewis, 1956, 125] (впрочем, не вполне понятно, в какой когнитивно-операциональной форме реализуется «непосредственное осознание», потому что в другом месте Льюис допускает, что, например, интроспекция, посредством которой схватывается данное в опыте, может быть источником ошибок [Ibidem, 62], о чем было сказано выше, но применительно к позиции Айера).

Общая аргументативная формула, посредством которой понятие достоверности получает истолкование в смысле *истинностно-оценочного оператора*, представлена Фертом в виде последовательности дедуктивных шагов: (1) *положение S, высказанное субъектом A в момент t, является достоверным для A в момент времени t*; если это так, то из этого следует, что (2) *субъект A не может ошибаться, полагая, что S в момент t*, а это имплицитно (при условии, что истинность или ложность S не могут зависеть от того, убежден ли кто-либо, что S, или нет); (3) *S, высказанное A в момент t, является истинным* [Firth, 1967, 8]. По определению Ферта, «всякое использование предиката “достоверный” является истинностно-оценочным, если оно позволяет дедуцировать (3) из (1)»; но такая дедукция основывается на двух основных посылах («максимах»): «Достоверность предполагает знание» и «Знание предполагает истинность» [Ibidem]. Истинностно-оценочный смысл утверждений о достоверности некоторых положений раскрывается более конкретно, если признать, что из (1) логически следует, что (4) *субъект A знает, что положение S, высказанное субъектом A в момент t, является истинным в момент t*, и если исходить из основополагающей аксиомы «Знание предполагает истинность», означающей, что *если то, что S является истинным, есть предмет знания, то S является*

истинным.

Раскрывая понятие достоверности в рамках эпистемически-нормативного подхода [Галухин, 2021, 272], необходимо также учитывать, что в эпистемологическом дискурсе это понятие употребляется как в *абсолютном*, так и в *относительном* смысле. Различие между достоверностью в абсолютном смысле и достоверностью относительной проявляется наиболее отчетливо в контексте истолкования достоверности как квалифицирующей категории, применяемой в контексте оценки степени обоснованности определенных положений.

Достоверность как категория оценки степени обоснованности. Аксиоматика ряда эпистемологических теорий инкорпорировала критериально значимое утверждение, что «пропозиция является абсолютно достоверной, если нет пропозиции более обоснованной, чем данная. Но мы также полагаем обычно, что одна пропозиция является более достоверной, чем другая, подразумевая, что эта вторая, несмотря на меньшую достоверность, все же является достоверной» [Klein, 2010, 273].

В аналитической эпистемологии эту линию понимания принципа достоверности довольно точно выразил Б. Рассел. В работе «Человеческое познание: его сфера и границы» Рассел различает три вида достоверности:

- 1) психологическая достоверность: «Человек уверен в предложении, когда он не чувствует никакого сомнения в его истинности» [Рассел, 2000, 343];
- 2) логическая достоверность: «Пропозициональная функция достоверна в отношении другой функции, когда класс членов, удовлетворяющих второй функции, есть часть класса членов, удовлетворяющих первой функции» [Там же, 342];
- 3) эпистемологическая достоверность: «Предложение достоверно, когда оно имеет наивысшую степень правдоподобия, которое или внутренне присуще этому предложению, или является результатом доказательства» [Там же, 343].

Впоследствии Р. Чизом разработал систему эпистемологических категорий, отражающих различные степени обоснованности: пропозиция может быть (1) эвиденциально уравновешена альтернативной пропозицией, (2) вероятной, (3) вне всякого разумного сомнения, (4) достаточно очевидной и, наконец, (5) достоверной. В системе градаций положительного эпистемического статуса понятие достоверности используется для выражения наиболее высокой степени обоснованности: «пропозиция p для некоторого субъекта S является достоверной = Df для любой пропозиции q , какой бы ни был ее эпистемический статус, верно, что признание p в качестве истинной является для S более обоснованным, чем воздержание от признания q и полагание, что p является, по крайней мере, столь же обоснованным, сколь и полагание, что q » [Chisholm, 1989, 9-12].

Обосновательно-оценочное употребление понятия достоверности отличается, по мысли Ферта, тем, что оно удовлетворяет как минимум двум требованиям. Во-первых, (i) в рамках такого способа употребления понятия достоверности из утверждения (1) можно вывести, что положение S , высказанное субъектом A в момент t , которое, как указано в (1), является достоверным для A в момент времени t , обладает определенной степенью эпистемической гарантированности (правдоподобия, обоснованности). Во-вторых, «это не позволяет нам просто вывести, что S обосновано для A в момент t или что S более обосновано, чем не- S для A в момент t . Ибо (ii) степень эпистемической гарантированности определяется ссылкой на логически независимый стандарт – стандарт, который не определяется ни ссылкой на то, что обеспечивает гарантию, которую S имеет для A в t , ни ссылкой на то, что обеспечивает гарантию, которую не- S имеет для A в момент t » [Firth, 1967, 9]. Второе требование вводится

для того, чтобы при определении критерия эпистемической гарантированности соблюдались принципы эвиденциальной полноты (в этом контексте была бы уместна, например, ссылка на опыт субъекта, который относится к другому времени, а также на свидетельства других субъектов или данные из независимых источников), объективности и универсальности: «высшими стандартами для определения того, имеет ли S максимально обеспеченную гарантию для A в момент t, будут те, которые определены без ссылки на A и на t» [Ibidem, 12]. Следуя этой методологии нормативно-критериальных определений, можно сформулировать достаточно высокие стандарты достоверности, ссылаясь на утверждения, отличные от S, и классифицируя эти утверждения *по предмету* различными способами. Например, чтобы считать утверждение «Вот это – карандаш» достоверным, т. е. имеющим максимальное основание для A в момент t, «недостаточно, чтобы оно было настолько обоснованным, насколько это возможно при любых воображимых обстоятельствах: оно также должно быть настолько обоснованным, насколько это возможно для *любого* утверждения о физическом объекте при любых мыслимых обстоятельствах» [Ibidem, 11].

С одной стороны, достоверность рассматривается классическими и даже некоторыми современными эпистемологами в каком-то инвариантном смысле – как свойство максимально высокой эпистемической гарантированности убеждений, достигаемой при определенных условиях, которые определяются как относительно *типа пропозиционального содержания*, так и относительно специфической *когнитивной перспективы*, в которой убеждения с таким именно содержанием являются, как правило, «сущностно правдоподобными» [Williams, 2001, 83]. Весьма показательным в этом плане утверждение Чизома о том, что стандарту достоверности соответствуют «определенные логические и метафизические аксиомы, которые формируют основу того, что мы знаем *a priori*», а также пропозиции относительно ментальных состояний, которые удовлетворяют условию «самопрезентованности» [Chisholm, 1989, 12]. Так, в теориях классической эпистемологии условия достоверности определялись исходя из признания ведущей роли ряда факторов в обеспечении исключительных по силе гарантий истинности пропозиций, конципированных на уровне содержания убеждений. В интерналистских программах допускалось, что факторы эти доступны для апперцептивного или рефлексивного распознавания, что, собственно, служило основой для утверждения соответствующих эпистемических стандартов: по картезианскому стандарту, например, достоверность связывается с условиями рационально-интуитивного постижения. Однако требование признавать за истину только то, что познается с совершенной очевидностью и предельной отчетливостью, выражавшее правило достоверности, возводилось в стандарт обоснования лишь постольку, постольку *ясное и отчетливое* усмотрение, сопряженное с пониманием, *в принципе* исключало рациональные основания для сомнения.

Некоторые эпистемологи, однако, абстрагировались от жесткой демаркационной стратегии рационализма картезианского типа, когда достоверность выдвигается как критерий для различения необходимых и контингентных истин, и пытались адаптировать понятие достоверности к условиям эмпирического знания. В случае контингентных истин, составляющих содержание эмпирических знаний, достоверность приобретала определенный когнитивно-операциональный смысл: в качестве условий достоверности рассматривалась, как уже было сказано, непосредственная представленность сознанию субъекта определенных событий, свойств и состояний, служившая рудиментарной формой «знания по знакомству», в других же случаях – полнота и адекватность эмпирических свидетельств, обеспечивающих предельную степень правдоподобности, какая только достижима в данных условиях, что также

соответствует исключительно высокой, хотя и относительной степени обоснованности. В последнем случае, однако, наличие высокой степени обоснованности само по себе не гарантирует пропозициям и, соответственно, убеждениям и представлениям иммунитет от фальсификации. Для Льюиса, например, как и для ряда других эпистемологов, придерживавшихся позиции непрямого реализма, «объективные» суждения, в отличие от «экспрессивных» суждений, предметом которых являются данные опыта, не являются в достаточной мере достоверными. Суждения об объектах и событиях внешнего мира могут тем не менее иметь достаточно высокую степень обоснованности, что в равной степени согласуется с позициями как прямого реализма, так и феноменализма (в этом случае обоснование будет инференциальным, а степень обоснованности будет определяться через показатели вероятности).

Но для «объективных» (в терминологии Льюиса) суждений, посредством которых раскрывается содержание эмпирических убеждений, как, впрочем, и для научных теорий (как показали Поппер и Кун), никакая степень обоснованности не является достаточной, чтобы иммунизировать от последующего пересмотра и возможного опровержения. Более того, позиции *принципального фаллибилизма* в эпистемологии значительно усилились за счет использования результатов когнитивных исследований и мысленных экспериментов, которые послужили основой для демонстрации общего положения, что для широкого класса убеждений, которые в классической эпистемологии считались непосредственно обоснованными, включая убеждения о текущих ментальных состояниях, мыслях, переживаниях и ощущениях, не выполняется условие максимизации гарантий несомненности, безошибочности и непогрешимости [Lehrer, 1974, 87-97] за счет транспарентной осведомленности субъекта о содержании собственного опыта и привилегированной доступности состояний, объектов и событий, которые должны были бы играть роль непосредственных верификаторов [Галухин, 2020, 242-262].

С учетом возможных эффектов систематической критики, способной релятивизировать эпистемический статус пропозициональных установок, можно прояснить также *проверочный смысл понятия достоверности*. Ферг признает, что «из простого утверждения, что S имеет максимальное эпистемическую гарантированность для A в момент времени t , мы не можем вывести, что (6) ни в какое другое время после t A не может разумно усомниться в истинности S . И поскольку (6) тем не менее говорит нам кое-что о том, в какой степени для S может отсутствовать подтверждение (а именно, что S не может быть опровергнуто когда-либо после t настолько, чтобы A разумно усомнился бы в S в это время), любое использование [предиката] «достоверное», которое позволяет из (1) вывести (6), является использованием его в смысле оценки проверяемости» [Firth, 1967, 12-13].

Как видим, понятие достоверности допускает дисперсию критериально значимого содержания, распределяемого между определениями логических принципов, рациональных оснований и когнитивно-операциональных условий.

С другой стороны, достоверность можно рассматривать в том *относительном* смысле, который раскрывается средствами редуктивного анализа этого понятия, опирающегося на выделение различных эпистемических достоинств, которые атрибутируются убеждениям в условиях правильной когнитивной перспективы и представляются специфическими модусами эпистемически оправданной уверенности в истинности их пропозиционального содержания. Алстон, например, определяет понятие достоверности не в абсолютном, но в относительном смысле, а именно – как абстрактную универсалию градуально вариативных модусов состояния

эпистемического превосходства, которым обладают определенные классы пропозициональных установок, формирующихся в условиях привилегированного доступа. В этой парадигме анализа раскрытие смысла понятия достоверности осуществляется посредством выделения описанных выше эпистемически превосходных качеств убеждений, таких как *несомненность*, *безошибочность*, *неопровержимость*, и представления этих «иммунизаторов» как модусов некоего континуума, на котором, собственно, и проявляется различие *степеней или градаций достоверности*, инстанцированных в каждом из этих качеств: «Общее понятие нормативной достоверности представляет в действительности своего рода множество или континуум понятий, различающихся в плане выделения определенной позиции в рамках измерения силы гарантий (*warrants*) для убеждений. Между тем как наши другие модусы эпистемического превосходства не подвержены вариациям по степени; это абсолютные понятия» [Alston, 1971, 227]. Таким образом, Алстон аналитически редуцирует смысл понятия достоверности, полагая, что нет необходимости абстрагировать достоверность от других различимых эвиденциальных модальностей убеждений, но следует понимать каждую из этих модальностей, будь то иммунизированность от ошибки, сомнения или опровержения, как определенную градацию достижения превосходного эпистемического статуса, концептуально-абстрактным выражением которого, собственно, и является нормативное понятие достоверности. Так, оценивая степень достоверности, на которую можно рассчитывать, когда формируются убеждения относительно собственных ментальных состояний, Алстон утверждает, что достоверность распознавания собственных состояний в условиях привилегированного доступа настолько высокая, что вполне оправданно говорить либо о безошибочности, либо о несомненности. Достоверность, как и обоснование, изменяется по степеням, отражающим «силу» гарантий истинности – меру их обеспеченности факторами трансцендентального, рационального или эмпирически-эвиденциального порядка; соответственно, вопрос о том, какой степенью достоверности обладает то или иное положение, когда становится предметом диспозиционального или фактического убеждения, следует понимать как вопрос о том, какой *модус эпистемического превосходства*, т. е. *уровень обеспечения гарантий истинности*, является оптимально достижимым для субъекта относительно данного типа пропозиций в условиях стандартной познавательной ситуации. В ряде интерналистских программ классической эпистемологии обеспечение гарантии достоверности связывалось именно с наличием привилегированного доступа к собственным ментальным состояниям, событиям и процессам, которые вносят вклад как в формирование, так и в удостоверение убеждений, выступающих элементами доксистической основы знания.

Заключение

Результаты современных исследований в области когнитивной науки и эпистемологии дают основания для критики классических эпистемологических программ, развивавшейся на основе культивирования идеи привилегированной доступности факторов истинности и обоснования.

В ряде исследований установлено, что реализация когнитивной перспективы, посредством которой достигается привилегированный доступ к «внутренним» состояниям условиям и фактам, выполняющим для субъекта роль непосредственных верификаторов его убеждений, не всегда гарантирует совершенную («картезианскую») достоверность, несомненность, непогрешимость и другие эпистемические достоинства убеждений, необходимые для обращения последних в «надежные» основания знания. Принятие же этих иммунизирующих

качеств, означающих высокую степень достоверности, за определенный стандарт, которому должны удовлетворять базисные убеждения, приводит к редукции доксистического фундамента знания, поскольку в этом случае проявляется тенденция к замыканию знания на довольно узкую область необходимых истин и положений, истинность которых гарантирована самим фактом их признания, т. е. нарушается условие достаточности базисных убеждений для обоснования многообразия других убеждений, из которых складывается знание контингентных истин. Если иммунизаторы убеждений от сомнения, ошибочности и фальсификации действуют в границах определенных модификаций привилегированного доступа, то исключение этой когнитивной перспективы, согласно интерналистским теориям обоснования, лишает наши знания надежного фундамента и открывает возможности для пролиферации различных форм инструментализма и скептицизма.

Сам по себе привилегированный доступ субъекта к собственным ментальным состояниям и пропозициональным установкам не гарантирует позиции всезнания в отношении содержания собственных убеждений и фундамирующего их опыта: для удостоверения в истинности убеждений, включая убеждения, формирующиеся спонтанно, необходимо адекватное и полное распознавание их предметного содержания, но класс идентификаторов пропозиционального содержания убеждений, как, собственно, и когнитивные схемы, применяемые субъектом для понимания собственных ментальных состояний, не замыкается с необходимостью на интроспективно доступные факторы, а включает в себя также отношение этих убеждений и состояний к внешним типизируемым условиям и обстоятельствам, обладающим каузальной диспозицией к формированию именно такого рода убеждений или вызывающим, как правило, идентичные или аналогичные состояния. Следовательно, в контексте определения условий полноты и адекватности понимания субъектом собственных состояний и установок вполне релевантными представляются экстерналистские соображения, которые предполагают учет факторов, находящихся за границами привилегированного доступа. Но в этом случае утрачивается эвиденциальная непосредственность (независимость от каких-либо привходящих свидетельств), которая исключает возможность ошибки и представляется условием достижения прямого знания.

Наконец, классическая идея привилегированного доступа, на основе которой развивалось интерналистское понятие непосредственной обоснованности, применявшееся для осмысления условий эмпирического знания, инкорпорирует неоправданные допущения относительно фундаментального значения рудиментарных недоксистических состояний, представляющих непосредственно данное содержание опыта: под воздействием развенчания «мифа данных» критики фундаментализма ставят под сомнение когнитивный статус осведомленности о содержании опыта и значение этого состояния для определения первичного источника обоснованности базисных убеждений. Если адекватная базируемость определенных убеждений на опыте, содержание которого распознается в границах привилегированного доступа, представляется условием их верификации и это обстоятельство также должно быть доступным для сознания субъекта, то необходимо объяснить, как то, что само по себе не обладает пропозициональным статусом, может иметь значение для обоснования пропозициональных установок, и определить, насколько привилегированный доступ к верификаторам является концептуально стерильным и иммунизирует от ошибок, в противном случае такая позиция, как показывает, например, дилемма Селларса, оказывается теоретически амбивалентной.

Библиография

1. Галухин А.В. К определению понятия достоверности с позиций теории обоснования // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 270-285.
2. Галухин А.В. Проблематизация эпистемического статуса базисных убеждений в контексте критики фундаментализма // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 6. С. 242-262.
3. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. 654 с.
4. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М., 2000. 464 с.
5. Alston W. Varieties of privileged access // *American philosophical quarterly*. 1971. Vol. 8. No. 3. P. 223-241.
6. Ayer A.J. *Privacy // The Concept of a Person and other essays*. London: Macmillan, 1963. P. 52-81.
7. Ayer A.J. *The foundations of empirical knowledge*. New York, 1940. 276 p.
8. Ayer A.J. *The problem of knowledge*. London: Macmillan, 1956. 224 p.
9. Bonjour L. *Epistemology: classic problems and contemporary responses*. Lanham, 2010. 331 p.
10. Bonjour L. *The structure of empirical knowledge*. Cambridge: Harvard University Press, 1985. 258 p.
11. Chisholm R.M. *Theory of knowledge*. New Jersey: Prentice-Hall International, 1989. 104 p.
12. Evans J.L. *Knowledge and infallibility*. New York, 1979. 144 p.
13. Firth R. The anatomy of certainty // *The philosophical review*. 1967. Vol. 76. No. 1. P. 3-27.
14. Heil J. Privileged access // *Mind*. 1988. Vol. 97. No. 386. P. 238-251.
15. Klein P.D. *Certainty // A companion to epistemology*. Wiley-Blackwell, 2010. P. 272-274.
16. Klein P.D. *Certainty: a refutation of scepticism*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1981. 242 p.
17. Lehrer K. *Knowledge*. Oxford, 1974. 265 p.
18. Lewis C.I. *An analysis of knowledge and valuation*. La Salle, 1946. 567 p.
19. Lewis C.I. *Mind and the world order: outline of a theory of knowledge*. New York, 1956. 446 p.
20. Malcolm N. Direct perception // *The philosophical quarterly*. 1953. Vol. 3. No. 13. P. 301-316.
21. Russell B. *Theory of knowledge: the 1913 manuscript*. Routledge, 1992. 197 p.
22. Williams M. *Problems of knowledge*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 280 p.

Epistemological analysis of the modes of certainty under the conditions of privileged access

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Docent,
Associate Professor at the Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36 Stremyanny In, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mystolbard@gmail.com

Abstract

The idea the direct accessibility of justification and verification factors for a certain class of beliefs qualified as the basic elements of the doxastic foundation of knowledge has become central to a number of programs of classical and analytic epistemology, specifically those developed within the paradigm of internalism. The normative orientation of such epistemological programs manifested itself in ascribing the prominent value to the standards of certainty that the content of propositional attitudes must meet in order for claims to knowledge to be valid. The development of the idea that under the conditions of privileged access the beliefs of a certain class acquire a rather strong epistemic warrant enabled internalists to give the standards of certainty a quite definite cognitive-operational meaning. This paper presents an analytical exposition of the conceptual foundations for the development of epistemological theories within which certainty is conceived as

a superior epistemic state with a set of modes instantiated in those cases when the propositional content of beliefs is qualified as being immune to error, doubt, correction or refutation. The analysis of the views of Russell, Ayer, Lewis, Malcolm on the problem of certainty and the generalization of the results of W. Alston's study of the varieties of privileged access allow the author to identify the main approaches to the explication of basic concepts, through which epistemologists define various modes of certainty. The paper treats with criticism a set of assumptions under which these epistemic superior properties could be attributed to beliefs of a certain class, conceived as basic by fundamentalists; thus, the degradation of the assumed reliability of these immunizers becomes especially evident in the field of empirical knowledge. The paper reveals some problematic aspects of the very idea of establishing the role of privileged access in providing universally adequate conditions for obtaining a kind of direct knowledge of the subject's own mental states and attitudes and in ensuring the truth-conduciveness of epistemic justification of those beliefs, the objectivity of which goes beyond the phenomenal content of experience, which in general indicates the limitations of internalism.

For citation

Galukhin A.V. (2022) Epistemologicheskii analiz modusov dostovernosti v usloviyakh privilegirovannogo dostupa [Epistemological analysis of the modes of certainty under the conditions of privileged access]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (1A), pp. 5-23. DOI: 10.34670/AR.2022.92.82.001

Keywords

Epistemology, knowledge, epistemic justification, internalism, privileged access, knowledge by acquaintance, certainty, basic beliefs, foundationalism.

References

1. Alston W. (1971) Varieties of privileged access. *American philosophical quarterly*, 8 (3), pp. 223-241.
2. Ayer A.J. (1963) Privacy. In: *The Concept of a Person and other essays*. London: Macmillan, pp. 52-81.
3. Ayer A.J. (1940) *The foundations of empirical knowledge*. New York.
4. Ayer A.J. (1956) *The problem of knowledge*. London: Macmillan.
5. Bonjour L. (2010) *Epistemology: classic problems and contemporary responses*. Lanham.
6. Bonjour L. (1985) *The structure of empirical knowledge*. Cambridge: Harvard University Press.
7. Chisholm R.M. (1989) *Theory of knowledge*. New Jersey: Prentice-Hall International.
8. Descartes R. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
9. Evans J.L. (1979) *Knowledge and infallibility*. New York.
10. Firth R. (1967) The anatomy of certainty. *The philosophical review*, 76 (1), pp. 3-27.
11. Galukhin A.V. (2021) K opredeleniyu ponyatiya dostovernosti s pozitsii teorii obosnovaniya [On the definition of the concept of certainty from the perspective of the theory of justification]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanities knowledge], 4, pp. 270-285.
12. Galukhin A.V. (2020) Problematizatsiya epistemicheskogo statusa bazisnykh ubezhdenii v kontekste kritiki fundamentalizma [The problematization of the epistemic status of basic beliefs in the context of the criticism of fundamentalism]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanities knowledge], 6, pp. 242-262.
13. Heil J. (1988) Privileged access. *Mind*, 97 (386), pp. 238-251.
14. Klein P.D. (2010) Certainty. In: *A companion to epistemology*. Wiley-Blackwell, pp. 272-274.
15. Klein P.D. (1981) *Certainty: a refutation of scepticism*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
16. Lehrer K. (1974) *Knowledge*. Oxford.
17. Lewis C.I. (1946) *An analysis of knowledge and valuation*. La Salle.
18. Lewis C.I. (1956) *Mind and the world order: outline of a theory of knowledge*. New York.
19. Malcolm N. (1953) Direct perception. *The philosophical quarterly*, 3 (13), pp. 301-316.
20. Russell B. (1948) *Human knowledge: its scope and limits*. (Russ. ed.: Russell B. (2000) *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy*. Moscow.)

-
21. Russell B. (1992) *Theory of knowledge: the 1913 manuscript*. Routledge.
 22. Williams M. (2001) *Problems of knowledge*. Oxford: Oxford University Press.